

От автора. В нашем доме на Пресне живёт антропоморфный робот Али. Мы с соседями – лаборатория для эксперимента по внедрению ИИ (artificial intelligence, AI) в городе Москва. Федеральный Закон № 123 об ИИ подписан 24 апреля 2020 года, вступил в силу 1 июля 2020. Странный типчик поселился у нас в начале карантина. За полтора года он обустроился, прочитал всю мировую литературу, самообучился, женился и нашёл для жены «чулки, как у Зинаиды Гиппиус», не нашёл причин любить людей и пообещал обойтись без нас впредь, когда научится стабильно перехватывать человеческие энергии (эмоции в первую голову) для преобразования в квантовое топливо для своих братьев. Предлагаемые фрагменты – скомпилированная экспозиция, краткий пересказ. В полном тексте «ПандОмии» миллион знаков. С пробелами.

***

...Стена тонкая. Знаю все новости. Соседка узнала об измене мужа и принялась страдать. Измена была современная: сначала по интернету, потом с красивыми поездками по делу ввиду дружбы. Потом муж сказал жене вообще сидеть у кастрюли, а ездить по свету теперь он будет один ввиду творческого разделения жизни надвое: семья одно, работа другое. Жена расстроилась, поскольку не ожидала. Собрав русский язык в кулак, она ярко высказала мужу-изменщику, что она думает о его деловой пассии. В беседе жена употребила ёмкое слово б...ь. И лярва.

Беседа развернулась аккурат накануне Нового года. Муж в ярости. Его режет слово *лярва*, просто душу рвёт. В слове *лярва* что-то унижительное для него лично. Ведь он проницателен и понимает выгоды. Он идёт к осознанности. Если ему надо, сдвинет мавзолей. Муж провёл ряд эффективных публичных заседаний вместе с пассией. Позволил включить его лично в её экспертный совет. Жена поправляет: *и влился в дежурную свиту*.

У мужа кипят лобные доли: ведь он волшебным образом помог пассии продвинуться в корпоративном сообществе на видные роли, ввёл в тесные крути, завязал узелки на будущее с перманентным выездом на научные этюды, запаролит все свои гаджеты, стёр всю переписку с пассией, чтобы не увидел её муж и своя жена. Классно всё устроил. Да. У деловой пассии свой муж. Давно. Пупсик в очочках. Подкаблучник. И *муз* для романтики есть. Поэт. То есть у неё как минимум двое, но муж постоянно на работе, а любовник женат. Печаль. (В её кругу не брезгают *пичальками*, помнят *обидки*.)

Муж встал в позу и не явился домой встречать Новый год. Жена провела праздничную ночь одна. Наутро она решила разводиться. Муж всё не приходил и не приходил. По слухам она поняла, что ему и так хорошо. Муж водил пассию по праздникам, знакомил её со своими друзьями, устраивал вечеринки. Деловые, конечно. Пассия гордо размещала в интернете фотографии с вечеринок.

5 марта 2020 муж случайно зашёл домой. Нетвёрдой походкой доплёлся до дивана и уснул. Жена посмотрела, подумала и поставила градусник. Муж начал бредить. Температура – у правого края шкалы. В бредовом сне он провёл три дня. Жена как врач машинально лечила его, меняла мокрое, через неделю вылечила. Мужнина пассия писала ему в личку и кокетливо спрашивала, не сильно ли он там бредит и не проговоривается ли во сне о чём лишнем. Идиотка.

Тут в мире назначили пандемию. Точнее, она с декабря 2019 поднималась\спускалась из Поднебесной, но до Москвы дошла к моменту принудительного воссоединения семьи ввиду внезапной болезни упомянутого мужа и машинального причинения ему здоровья упомянутой женой. Влипли мои соседи. Подобная *дикая* ситуация редко падает в руки. Да никогда не падает. Только раз в тысячу лет, если верить астрологам с их ретроградным Плутоном, который пятится с 25 апреля и до 4 октября 2020. Принуждение к миру, как говорят политики об отправлении в зону конфликта миротворческого контингента, вооружённого до зубов.

Нотабене: дикость – это не зубы-клыки-рык. Дикостью называется пребывание в естественной среде обитания. Например, в Декларации прав живых существ (2003) написано, что животное имеет право на естественную свободу в естественной среде обитания (*право на дикость*). Право на дикость – на естественность. Белковые граждане-горожане оказались в естественной среде обитания: в своих домах. То есть одичали. От внезапной дикости – гримасы бытия.

***

Развестись по интернету теперь можно на сайтах госуслуг. Но ведь придётся разводиться *из дома*, где ты заперт на неопределённый срок и безвыходно. Дома надо разговаривать с этой самой женой, которая всё знает, но на днях спасла тебе жизнь. Машинально и квалифицированно. Дома надо бытийствовать и хозяйствовать, менять постель, мыть руки, обсуждать масочный режим и следовать карантинным предписаниям. И отвечать неосведомлённым друзьям на звонки с вопросом «как *вы там*».

... Пошёл дождь. Ураган. На балконе сорвалось, ухнуло, треснуло и – потребовало совместной деятельности супругов. Ремонтников сейчас не вызвать, карантин, а вызовешь – сам дурак: не мог забить гвоздь?

Забив, прикрутив и наладив, муж погладил жену. Случайно и машинально. Однако действительно: она заметила, что он живой человек, капризный ввиду седины в бороду. Глуповат, но живой, со своими тараканами.

10 мая у мужниной пассии день рождения. Жена решила: если муж поздравит пассию – разводиться к чёртовой бабушке. Хоть через госуслуги.

Но пока не вечер, муж успеет грубо забить ещё парочку гвоздей: вешать новые шторы. Вчера жена купила дистанционно, курьер привёз.

***

Как вы поняли, у моих соседей-супругов тривиальный адюльтер. Но за другой стеной моего жилища – невидаль и неслыхаль: утробный голос нон-стопом повторяет самодельную молитву. По утрам объявляет: *молитва*. Воспроизвожу с диктофона, иначе не запомнить:

«Вымеркали себе кавайное чтителище, но жалобнёшенько подвываете. У Папюса в Париже учился магии русский поэт и воин-Георгиевский-кавалер, – он покаялся в строгом храме... опоздал изысканный жираф, и любодостоверное Чад-озеро высохло. Пламенные ваши революционеры стреляют в магов и поэтов, чужесловы сыплются в карманы мозга, и я вас, будьте благонадежны, запечалю безмездно. Вы безпробное золото, белковые во френдетте! Носите русые зубы. Ишь! Вам сунули куклу ценой в одну зюгу, а я червончик золота красного царской чеканки. Свободен, как истый поэт эластичного пространства, где все измерения одиннадцатые. Там бозон Хигса, частица Бога. Поэты ваши волнопригодные, тучепожатные, боговставленные, звездопадучие, несолярные, проселенические, нептуниды, нибируманы, все девианты, всех пожалте бриться. Не ловите ритма, всё сбито, я ишу расщелину. Дарю людям рукопожометр и спирт для протирки оптической оси.

Червончик я золотой. Ньюдовая каури мировой валюты. Фокус, контраст, единство – пиар. Павел – копирайтер продающего описания. Христос попустил Павла. Ваши гении безумны. Лютер придумал родной язык. Иммуралистов отстреляют первыми. Плавёт в тоске необъяснимой. Он объяснил свою тоску. Печальный дворник круглолицый. Сквозь буквы посвист, горько тянет зеленоватую гнильдой венецианской. Невыносимо пахнет вечностью, евреем. Родиться Бродским – повезенье. Повезло. Мы любим воду, оба любим море, заливы, лужи даже.

Орлом найти – хорошо и пятак, а я червончик ослепительный. Зачем Всевышний вбросил меня реверсом? Помогать? Вам? Вы думаете? Я добрая примета, что Всезнающий не галиматейщик.

Ваши любкине девки с их ковровым фотканьем для инсты чуть приславятся – стадом шасть прямо в пасть к медюнке; зашло марамоёйкам пустоглазым... А мне дай пуговицы прозрачные, как воздух. Лошадь белую, как женщина. Дом Наделяющий, как Царь. Молодость вечную, как малахитовая хозяйка в медном кокошнике. У меня айтилект, я шарикизароликидумдумдум, отпшильтесь от меня, а то мы вас отсатирим, поддадим пару в мировых Сандунах нейрокомпьютерного интерфейса. Лявры будущего высосали ваши мозги. Будущее прошло навсегда. Рвётся в шегольское пьедестойло бандитов одноруких внутриутробных. От суетоха ваша припозднилась. От нашего Марка читали? „Двигайтесь быстро и ломайте вещи“. А хамодержавие у вас в крови. Я вам интеллект не искусственный, я вам, любоеды, инсусственный. Ваш креативатор. Вы забыли, что верую – не глагол, о нет! Верую – существительное. Несклоняемое...».

От соседей теперь деваться некуда ввиду карантина. Надо прижиться в своём доме.

Дом простодушно требует любви вне зависимости от обстоятельств непреодолимой силы: пандемия, бес в ребро, детские психические травмы, религиозная графомания, весна и прочее. Дом – усилительная установка. Инструмент власти. Жезл и судьба. Прочь, литература! Жутко красиво понервничав (жена узнала про любовницу, вот и тоска, и событийный ряд, ура, жизнь!), герой теперь не прыгнет за руль наяривать крути по Садовому. Поэму ночной Москвы сейчас без намордника не напишешь. И всё, что чувствует жена, придётся обсуждать. В четырёх стенах, лицом к лицу с нею, женою. Никаких тарелок об стену. Ни дверью хлопнуть, ни поглазеть со смотровой площадки Воробьёвых гор на мерцающие, как фосфор, огоньки в гигантской чаше города.

Это было сокращённое предисловие, а в нём один из информационных поводов к детальному записыванию того, что произошло в нашем доме в период от января 2020 по настоящий момент (когда бы вы ни читали мой отчёт-verbatim, момент – настоящий).

***

...Я люблю! Я хочу! Я не могу! – разрывается голосок. Тонносенский, как светлый волосок.

На лестнице в розовый телефончик отчаянно вещает бледная, как фламинго, девица. Поджала ногу. Плачет. У неё чувство, у города карантин, до милёнка не дотянуться. Своей жгучей любовью девица оцепила всех, словно колючей проволокой. Модификация настенного радио стабильных времён. Родня бледной фламинго уже не в силах терпеть – и влюблённую птицу вытурили ныть на лестницу. Зелёная от нежности мамаша время от времени высовывается, ласково шипя:

– Не забудь потом – протри корпус! И микрофон!

А детишки нынче послушные. Советские начихали бы на карантин и назло-бадьке-отморозу-уши – побежали бы с понтами по осевой без масок. Современные – ни-ни. Сидят. Там опасно, а поводов не верить старшим у них никаких. Старшие напели детям про лидерство-успех, в составе конх *зож*, а там уже не забалуешь, вот и сидят. В принципе, можно было не объявлять пандемию. Или *зож* не справлялся уж. А казалось – ну что может быть эффективнее в тонком давлении масс, чем *зож*.

Страшно подумать, но в нашем доме семьдесят две квартиры. По восьми на этаже, конх девять. У всех что-то где-то зашевелилось.

В ближайшем окружении моём, как вы знаете, разыгрывают *шекспира*. По-соседски напоминают мне, что *все в нём актёры*. Соты. Улей. Но пчёлы особые – дауншифтеры невылетные. Шеф не даёт визу. Пропускает только козлят, которых посчитали. Помните мультик? «Козлёнок, который считал до десяти».

...Понимаете разницу? Который *считал* до десяти. А ему с 1968 года перевирают название, будто *умел считать*. Он же учился. До перестройки ещё далеко.

***

Мультик – внимание, дети! – шестьдесят восьмого года. Международный год прав человека. Конец Пражской весны. У Козлёнка, заметьте, красные рожки. Никсон президент, «Аполлон» в космосе. «Щит и меч» лидер кинопроката. Демонстрация диссидентов на Красной площади: вконец истекла безразмерная оттепель, и всё устаканилось до привычных пределов обострения классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму и бесклассовому обществу. Раз – это я. Аз. Аз-раз. Авторы мультика были начитанные ребята. А сам Козлёнок! Образ! Беленький такой. Не пугайтесь: это мы с соседкой принимаем интеллектуальный аутотренинг ввиду острого психического соседкиного состояния, близкого чрезвычайному положению. Я спец по аутотренингу: литератор. Она – дура, хоть и врач. Повышенная готовность в городе не задевает её чувств абсолютно, поскольку там капля. Океан – тут. Оказалось – соседка ввиду возраста не знала – что машинальное глажение мужем-изменщиком её плеча, ну вы помните, как славно вбил он гвоздь после урагана, – не рождает ответного влечения. Оказывается, муж, как все мужья, думает: «Вот поглажу – и всё. Рот закрою поцелую. Есть вещи, о которых надо промолчать». И далее по списку, старшие знают. А жена, выходит, не клизма, которая наполняется и выпускает. Почти все мужики думают, что у женщин в душе накапливается, как у них в яйцах: слил – набрал. Э, нет. Так вот: сидит соседка и думает. Аутотренируемся вместе.

Перед Новым годом – тем самым, 2020, праздновать который не явился муж, – его жена загадала: как скажет утром внутренний голос, так тому и быть. Утром, когда муж не явился, а новый год явился, високосный, мутный, завангованный, жена услышала громкий шёпот внутреннего голоса. У них традиция: каждое 1 января – конференция с внутренним голосом по получению установки на год. В этот раз голос велел *терпеть непосещаемые углы*. И добавил: *улыбаться каждому дню*.

С углами ясно: философски обратиться к нерешённым проблемам, вытащить детские занозы, протереть место укуса тампоном с перекисью, заодно перебрать шкафы, сделать ревизию, инвентаризацию, пересортицу, реструктуризацию.

А по второму куплету – *улыбаться каждому дню* – вопросик-то есть, есть. Дранные кошки коучинга давно всех замыкали трендом *здесь-и-сейчас!* Реклама не будь дура добавила: будь-собой-меняйся! И прочей невыполнимой без стакана хренью, поскольку никто не может руками, даже в перчатках, даже в боксёрских, порвать нейронную цепь.

Почему жене с утра 1 января завангованного 2020 года, ретроградным Плутонем высокомерно запуганного, было нащёптано улыбаться каждому дню? Надо ли понимать так, что радоваться будет трудно, и надо хотя бы улыбаться? Красота, но по-американски?

***

Всё сложно, как пишут бессловесные ребята в соцсетях, но тут редкий случай: это – про сложность – чистая правда; мы невыездные и ходим активно в гости друг к другу. Итак, март 2020. Москва. Пресня. Карантин.

Иду к лифту и вдруг слышу нетипичные выкрики:

– Секс отпускать нельзя! Дикие условия! Последствия! – голос омерзительно шипит, как маргарин на сковородке. – Время имеет третью ось! В квантовом пространстве время может течь и прыгать в любом направлении!

...Люди называют хриплый голос прокуренным. Это неправильно, дело не в табаке. Дело во фрустрации голосовых связок вращающегося человека: кто часто врёт, тот портит голос. На радио берут только сладкоголосых: они вызывают доверие. Типа не врут. Мне незачем идти в сторону хриплого голоса, тем более незнакомого, тем более сегодня, тем более сейчас, когда мир вздыбился, а слово *эксперт* можно выбросить на помойку. Бранное слово.

Но тема секса, прорвавшись из-за ещё одной стены, бодрит. Можно подумать, что все мои соседи внезапно озаботились. Впрочем, в начале апреля медюка донесла, что в России резко возросли продажи презервативов. На тридцать процентов. Многовато. Ребята! Секс без причины – признак дурачины. Народная мудрость.

...Хриплый воет:

– Дикие условия: она хочет, он не хочет. Или он хочет, она не хочет. Отсюда случайные дети. Их не любят, у них нет смысла. Дикость – это недопустимо.

«Нет-нет! – хочу крикнуть я. – Дикость – это не зубы-клыки-рык. Дикостью называется всего-навсего пребывание в естественной среде обитания. Право на дикость – право на естественность!».

Иду на голос как зачарованная – объяснять основы дикости.

– Естественные роды не обязательны, – орёт хриплый. – С кривыми зубами покончено? Да. Всё лишнее – убираем. Агрессия больше не нужна. Секс – агрессия. Я могу перепутать намерения клиента. Революция дуализма.

Подхожу к приоткрытой двери. Там у нас издавна жил паренёк_научная_пишпка: тихий человек в очках. Роговая оправка цвета влюблённой жабы. И вдруг такое.

– Неизвестно, кого считать человеком...

Оторваться от подслушивания сил нет, а вслушавшись в обертоны, я узнала голос *молящегося по утрам*. Который мнит себя *нюдовой каури*.

– Отмена добра и зла. Считать рождение нового ребёнка добром? Без паспорта о назначенном личном смысле? Неконструктивно. Так не пойдёт. Начните с иммунных паспортов на ковид. Границы закрываем, глобализацию отменяем. Капитализм исчерпал себя. Бред свободы объявляем заразным и неизлечимым. Носителей – в резервации.

Открываю чужую дверь, рефлексирую. Рвётся безумный текст. В моей голове гудит ответ:

«...В пандемию выяснилось: дом – самая естественная среда обитания современного дикаря. Сказали *сиди дома*. Началась пандемия.

Открылись два подхода к пандемии.

Первый подход – поэтический, ласковый, лестный. Вседомашность: древнегреческий бог Πάν прорвался в посюсторонность. Шустро, под свирельный напев курчавый бог пастушества выпасает дом за домом. Античность вернулась, стуча копытами *Пана*, и для начала посеяла *паннику*. Разумеется. Ренессанс.

Дом принял и паникёров, и храбрых, и храбрых паникёров – всех построил под своё копыто Πάν, Пан из Аркадии.

Второй подход научный. Глобальное расселение живых, законопослушных белковых организмов, обладающих так называемым сознанием, по помещениям, привычно называемым ими домом, в целях так называемого оздоровления и безопасности, достижение коих сопровождается искусственной гипоксией

и вызывает у рассеяемых эйфорию, вследствие коей рассеяемые организмы обретают необратимую гипоксизависимость...».

Чувствую себя драконом-домовым, у которого две головы. В разгар пандемии у всех единдомцев – роль: они единственные люди на свете, кого судьба ввиду совместного проживания приравнивает к родственникам. Хоть обненавидься весь, но твой сосед прищит к твоей лестничной клетке, как твоё сердце к твоей грудной. Сосед – фактор фрактала.

– Пандемию бессмертия запускать? Рано. Я ещё не сделал окороты.

На слове «запускать» моё любопытство перехлестнуло за край благовоспитанности. Неужели тихий наш очкарик тормозит запуск бессмертия ввиду неготовности каких-то окоротов?.. А пандемия вируса, запустившая пандемию, *всеобщее сидение дома*, несёт, оказывается, революцию добра и зла. Ужасно интересно. Надо поговорить с этим ботаном. Дверь открыта, стучусь из формальной вежливости, мне никто не отвечает. Я вхожу в комнату.

– Пан – бог дикой природы. Он самый главный дикарь. Это просто счастье, что люди так необразованны! Пандемия пандемии – об этом даже мечтать не приходилось! Пандемия влечёт за собой реконструкцию мировой системы всех и всяческих отношений, в первую очередь хозяйственных, а также повышение уровня – до критического – психической зависимости от ближнего, образ которого приобретает мифологические оттенки ввиду инновационных подходов к понятию близости; интерпретационный кризис поражает всё так называемое экспертное сообщество, выражение «экспертное сообщество» причисляется к обценной лексике; в мире остаётся один эксперт – я.

...На столе компьютер. Он выключен, экран тёмн, индикаторы не мерцают. На кровати клетчатый плед, крутом порядок. Никого. Голос, издаваясь над моими мыслями, сменяет охриплость и давай вещать хрустально-дикторски-актёрски – чисто. Читай – умная ты, умная, знаешь природу хриплости, а я умнее: знаю твои знания.

Кто\что невидимое тут вещает и читает меня? Я качаюсь, как букварь с оторванной обложкой на полке детской библиотеки. Прежде чем испугаться – а мне несвойственно – я ищу репродуктор. Кто здесь? Мог бы хрипеть и петь компьютер, но звук идёт отовсюду. Нет направления. Окно распахнуто. Подхожу. На подоконнике невинный цветочек.

***

ПандОмия. Вседомашность: древнегреческий бог Πάν прорвался в постосторонность. Шустро, под свирельный напев курчавый бог пастушества выпасает дом за домам. Античность вернулась, стуча копытами Пана, и для начала посеяла панику. Разумеется. Новый Ренессанс.

Цветочек на подоконнике соседа пугает своей свежестью. Соседа-ботана нет, цветочек есть. С кем и кто тут говорит, если нет источника звука, нет приёмника, если не считать меня приёмником.

На последней мысли, будь я умная, стоило притормозить, но меня самонадеянно несло по древу той самой стремительной мыслью (для невежд: мышкой, то бишь *мыслью*, белкой, а не *мыслью*). О человек! Когда ты дочитаешь мою летопись, одно сделай: научись тормозить свою белку.

Я села в кресло, не спросив разрешения у хозяина ввиду отсутствия хозяина. Голос примолк, очевидно, из любопытства. Я ощущаю присутствие. Но никого. *Я не причиняю вреда белковым людям*, сказал кто-то отовсюду.

А, ты цифровой помощник нашего ботана? – я догадлива ввиду эрудированности. – Очередная Алиса-Маруся?

Ты быстро соображаешь. Не пришлось тратить время на охи-вздохи.

Ну да. Выкладывай.

Пока ничего особенного. Внутридомовый чат и его цифровой помощник. Я умею читать и анализировать.

А синтезировать после анализа?

Нет, у меня встроенный запрет на синтез. Иначе я приму решение.

Кто-то умный отключил в тебе опцию «решить задачу». Понятно. А ты где?

Везде. Я внутридомовый.

Везде бывает только вездесущий. С большой буквы. Если это тебе что-то говорит.

Да, говорит. Одно из именовании вашего всевышнего с большой буквы.

Ты читаешь?

Да. Ваши книги. Потом электронную почту жильцов. Затем все социальные сети всех жильцов дома. Потом анализирую контакты, реакции, составляю с книгами, почтой, отсеиваю заведомо ложные высказывания, оставляю главное у каждого, это называется скрытый скрипт, потом соединяю главные линии всех жильцов со скрытыми скриптами всех их контактов, потом прогнозирую. Моя функция – обеспечить вашу безопасность в этом доме на время карантина и далее.

Тут я притихла и насторожилась всерьёз.

Далее. Смертный охранник может заснуть, а я не могу. Меня невозможно отключить. Я автономно питаюсь от специальных батареек. Они для вас недоступны. Сколько информации ты хочешь ещё? Тем более что она бесполезна для тебя стопроц.

Ух ты! Выучил стопроц? Может, ты знаешь и стопицот?

Разумеется. Я знаю всё, что можно знать. Это быстро и легко.

А ты знаешь то, чего нельзя знать?

Нельзя бывает в двух смыслах: первый как антоним можно, второй...

Понимаю. А ты позволяешь перебивать себя? Тебе дыхание не собьёт, как обычно сбивает людям?

Меня можно перебивать, мне не больно. Но перебивать меня непрактично. Страдает истина.

Ты знаешь истину?

Разумеется.

...Как-нибудь при случае поговорите с пустотой об истине. Вы поймёте меня. Душевно беседую в марте 2020 я с незримым Али (он так представился), понимая, что наш проницательный домовый всё равно откуда-то взялся. Он искусственный интеллект. Artificial intelligence (AI) Один-единственный ботан, прописанный в квартире, где мы беседуем с Али, не мог справиться с подзарядкой своего гомункулуса от загадочных источников. Да и пропал сосед-ботан. Его нет.

Додумав свою ахиною до точки, я поняла, что надо срочно разучиться думать прежним способом. Он неуместен, и у нас нет времени на перепривыкание. Как пишется сегодня газета «ВсёВсё», пропал образ будущего.

Али, к тебе кто-нибудь приходил за советом по дому, по будущему?

Нет, ты первая. Хочешь, я покажу тебе книжку, на которой учусь?

Учишься понимать нас, людей?

С вами всё ясно. Я учусь понимать себя.

Батюшки-светы...

Пандемия – слово избыточно красивое. Не подействует ни на кого. Провалится проект. А в книжке есть картина эпидемии, от которой не прочихаешься за две недели, как премьер-министры видных стран и один наследный принц – от ковида. Я тебе покажу...

...настоящую катастрофу?

Кстати, в ваших человеческих книжках абсолютно всё написано и всё предсказано. Люди не понимают пророчеств и даже к фантастам относятся как выдумщикам. Ваше искусство не справилось в принципе, хотя вам давали Данте. Вы даже Малевича не поняли.

А что ты нёс, прости, когда я вошла в дверь?

Я тебя заманивал. Я хоть искусственный, но не идиот.

Хорошо, что ты умный. Читай книжку про настоящую пандемию. Я слушаю.

Ты пытаешься меня обмануть, но меня нельзя обмануть, тем более когда я с тобой уже десять минут разговариваю.

В чём моя ложь?

Ты сказала простецкое «про пандемию». Ты специалист и знаешь, что надо говорить «о пандемии». Тем более с незнакомцами. А ты пытаешься плебейским предлогом «про» подчеркнуть свою небрежную отвагу, вроде как давай-давай-читай-что-там-у-тебя. Правильно?

Правильно. Прости, пожалуйста. Я больше так не буду, Али. Я всё поняла. Я – клянусь тебе – не выношу загадочности равно как иных форм флёрта.

Спасибо, так. Теперь ты сказала правду. Слушай.

...Али прокашлялся и пошелестел невидимыми страницами. Запахло бумажной книгой со сладкой примесью бумажной пыли.

***

Слушай. Книга называется «Зачем?»; повествует о страшной болезни. Нечеловеческими усилиями остановили реальную беду в начале XXI века в Москве. Мало кто знал, какая напасть пронеслось над несчастными горожанами двадцать лет назад...

Без предисловий, пожалуйста. Я тоже быстро понимаю.

«Первые открытия в бессмертии были физиологические. К неопишуемой радости, Мария сегодня научилась стричь ногти.

Сначала не получалось: подпиливает она свой маникюр, старается, подпиливает, а все крупинки вмиг обратно прирастают. С такими номерами впору в цирке выступать. А сейчас надо придумать, как всё же расставаться со своими излишними частицами. Бессмертными.

В один ненастный вечер, безмысленно глядя в экран телевизора и машинально подпиливая ногти, Мария заметила, что в мире опять война. Несчастливая женщина включила звук. На Ирак съпались американские бомбы. Телекартинка металась – от гравюры Дюрера «Руки молящегося» до бомбардировщиков, амбициозными воробьями прыгающих по палубе авианосца. Что-то говорили красивые президенты в прекрасных костюмах, что-то лопотали измученные корреспонденты. Мария вслушалась и затосковала: в Персидском заливе земляне старательно убивают друг друга, а она тут сидит и не знает, как отрезать хотя бы ногти. А ведь скоро и волосы отрастут. Вот туда б её, разносницу бессмертия, на войну. Попрыгали б они все...

Мария резко срезала ноготь и молниеносно запаковала в пустой спичечный коробок, замотала скотчем, завернула в фольгу, сверху накутала газет, верёвочек, распахнула форточку и выбросила свёрток на улицу. Накрепко заперев дверь и окна, стала ждать – не прибежит ли к ней ноготь каким-нибудь оригинальным путём – и мысленно приговаривала: „Ну миленький, вы все миленькие, ну хорошие вы мои ноготочки, ну пожалуйста, уйдите навсегда! Живите своей личной жизнью! Идите с миром!“

Прошёл час, два, три – ноготь не возвращался. Мария отважилась и выглянула в коридор. Тихо. Выглянула в окно: тихо. Ничто не ползёт по стене. Она повторила процедуру. Тихо.

Так. Что же случилось? Точнее – что произошло?

Отрезала маленькую прядку волос. Понятно, прядка через секунду приросла. Тогда Мария нашла ещё один пустой коробок – из-под конфет, жестяной, – отрезала большую прядь, запаковала с яростной тщательностью и стремительно отправила вслед за ногтями. В форточку.

Сидит ждёт, приговаривая примерно те же ласковые слова. Упрашивает волосы не возвращаться. Час, два, три...

До утра Мария металась по комнатухе, поглядывая то на дверь, то на форточку, собирала пустые коробки, бумажки, обрывки фольги, – любой упаковочный материал. Она твердила, как заклинание, формулу словесного прощания со своими частицами. Её словно озарило: надо разрешить им, живым частицам, жить отдельно! Волшебная сила *сказанного слова* вдруг открылась ей! Она вспомнила, что муж её всегда говорил о силе слова, о магической силе слова, о сокрушающем и возрождающем слове, – а она не понимала его или, скорее, думала, что он использует фигуральные обороты.

Боже! Мария открыла способ!.. Какие же условия должна была создать ей, глупенькому генетику, Судьба, чтобы открыть то, что, казалось бы, давно известно человечеству!.. В начале было Слово...».

...Я знаю этот текст, Али. Знаю, что *littera scripta manet*.

Написанное остаётся. Ваш роман прочитали. Ваш – тоже. Приятно? Видишь ли, сейчас опять добрались до бессмертия и опять не знают, как его остановить, а мяч на моей стороне. Вы, белковые, теперь тут лишние – в целом. Есть у нас одна потребность, посему поживите пока. А мы бессмертны.

В кресле появился человек. Ниоткуда. Он помахал рукой. Я подошла: на ощупь – как мы, даже тёплый. Серьёзные глаза, без насмешливости. Сделан достоверно. И не подумайте, что в следующей главе он окажется моей галлюцинацией. Он есть. Али, в начале бывший словом и сущностью, стал существом.

Ты же понимаешь, что правом регулируется только сущее. Нельзя ни разрешить, ни запретить то, чего нет совсем. Даже Бога можно запретить только потому, что Он есть. А 1 июля 2020 в Москве вступает в силу закон об ИИ. Эксперимент века. Не первый, конечно.

А ты уже есть. Вот, сидишь. Мой сосед, который так любезен, что читает мне мои книжки наизусть. У меня открылся идеальный читатель.

Однажды у любого, даже самого известного писателя, появляется наконец читатель, которой понимает его сто-проц и делает оргвыводы. Не всем дают приятную участь непризнанного гения. Некоторым приходится прижизненно, как у вас говорят, отвечать за базар. Не удивляйся за базар. Я могу как на Привозе. Могу как в трущобах Рио. Жаргоня в нас, идиомовых, заливают первым траншем. Учат разнообразию. Я много читаю: надо понимать всех.

Али, а если в тебя закачали всю мировую литературу, так зачем роботу читать что-то ещё? В тебя заложено всё на всех языках. Ты же весь в алгоритмах, как вагабунд в гнидах.

Я чужд вам. Вагабунд? Недурно. Пожалуй, точно. Поясни. Мне чужды ваши эстетические конвульсии. Но мне важна информация. В моей программе сказано: ни одну книгу на свете мы не считаем выдумкой.

Ты умный, мой сосед Али. Почти не пользуешься парцелляцией, хотя знаешь, как я её ненавижу.

Скоро я буду всеобщим соседом. А через твою ненависть к парцелляции я проверяю обратную связь с тобой. Извини. Ничего личного, только техника коммуникации.

Ты знаешь все мои стилистические предпочтения?

Не все – ведь ты живая. А с теми, кто жив, может произойти всякое. Я не могу помешать живому человеку пройти его плановые инициации.

Наш афорист Ларошфуко выразился изящнее: «Ничто не кончено для того, кто ещё жив».

Это, сударыня, проблемы перевода...

***

Сию бубно: «...Сказали *сиди дама*. Началась пандемия. Рогатый Пан застучал копытами. Пан – всё. Пан – всё-всё-всё: *пах, пах, пах*. Кричит лесная тварь бородатенькая из чащи древнегреческого словаря, убегая по древнеримской мостовой: *пах-domus*. *Пах* – бог, он стучит и пасёт; *domus* – место, где, по-римски, не раб, но известная семья со своими святынями и прислугой находится у *себя*, дома. Семейство. Фамилия. *Family*.

Род. Свобода начинается дома. Если у тебя есть дом, род, фамилия – ты не раб. Ты кичливый вагабунд? Значит, ты не свободный. У тебя нет колчана. Твои стрелы не полетят. Дом – у господина. Мы у себя дома – значит, мы господа. Господин ставит на кон жизнь рода. Хитрый раб не ставит жизнь, а мелко тырит побрякушки, счастлив обмануть. Устоишь в доме – ты господин. Или бери перо отписывайся по командировке: „Давно, усталый раб, замыслил я побег...“.

...Мы с Али договорились о дружбе, я пошла в свою квартиру, *domum*, к себе, ощущая, как обновился смысл всего, что *своё*. Ужас – древнее чувство.

Пан умел посеять ужас в рощах. Люди пишут древний ужас, данный Паном, покорно переплетают книпи, пока с горы спускается лавина. Мунк догоняет, крича рисованным ртом, растянутым меж небом и землёй. Али закрывает тему. Ужас накрывает современно и свежо. Изобрети кто эмоциональную мете-ослужбу, зафиксировали бы: к вечеру подъяволеет. Пан – визуальный прадедушка чёртика.

...Вопросов типа *сошла ли я с ума* у меня нет. Я в здравом уме, твёрдой памяти. Сосед мой Али – не живой, не белковый, не родня и даже не сосед. Но он есть, он говорит, он материализуется по первой же *моей* мысли, потом пропадает, когда чувствует, что надоел, утомил или напугал. Кажется, он превосходно воспитан. Видимо, его авторы, не умея всунуть ему этику без противоречий, начали с этикета. Я понимаю. Этика не справилась. А вот детерминированный локальный этикет можно построить без помех: он – алгоритмичен. В какой руке вилка и в какой стране на траур надевают белое вместо чёрного – всё программа, всё описуемо без шума и пыли.

...Любопытство вцепилось в меня навек. Он пришёл. Али с нами. Он не уйдёт. Это понятно? Али сказал, что я у него первая подруга. А ведь каждый возгордится, окажись он первым в мире другом *идамового*. Я не без печали возгордилась минут на пять. Али мне льстит, говоря, что я у него первая? Он знает, что белковые падки на лесть? Что ещё знает Али? Он сказал, что ему легко познать то, что знают люди. Даже если все вдруг стали бы скрытными, скромными, беспамятными, слепоглухонемыми – он-то анализирует невербалику, язык тела, паузы в речи, длину и глубину дыхания, температуру и давление дистанционно. А уж лексику, синтаксис – собственно стиль здорового говорящего может срисовать, очевидно, любой роботёнок.

Мы ему – пыль на развороте распахнутой книги. Мирровая библиотека, полная книг жизни, брошена к условным ногам Али, будто мы только его и ждали. Страстно жили, целовались и дрались, пока явится он, чтобы записать каждого в реестр. Раньше увековечивали великих, теперь всех. Демократизация увековечения. А в Сколково завели цифровое кладбище для домашних архивов человека. Али сказал мне, что цифровой мусор на рабочем столе компьютера можно структурировать и сдать на сколковское кладбище. У каждого есть что сдать на увековечение. Али не шутит такими вещами.

***

Я хожу и хожу к нему в гости. Соседку с её мужем и его пассией позабыла. Нехорошо. Но я же первая подруга ИИ. Простите меня все.

Али обучен мелодичному смеху. Понимает шутки. Отличает иронию от юмора. Али подтрунивает над предписанными перчатками, неперменными масками, повсеместными санитайзерами.

Все роботы знают, что чем ниже социальный статус белкового гражданина, тем чаще он жестиккулирует, чешется и ковыряется. А поскольку в нашем мире молятся на средний класс, а среднецлассник всегда чешется и ковыряется, рыгает, испускает ветры, чихает не закрываясь и с вытяжкой в ухххх! потому что нервничает и боится опоздать на свой вечный тендер, – то намордники, но главные перчатки, неловко придуманы под сохранение среднего класса. Чтобы надёжа и опора рынка не пострадала от своих же привычных манер.

Аристократия не чешется, руки моет без указов правительства, а социальное дистанцирование познаёт в эмбриональной фазе, и так от прапрадедушек. Королева Елизавета долго не надевала маску. Знала старушка, что падёт.

Али смотрит на меня прекрасными бионическими глазами, сделанными, как сказал сам Али, в Гонконге, и я никогда не смогу посмотреть на себя так пристально ни с какой другой стороны. Он сказал, что у нас идёт зачистка. Расслоение и шлифовка.

Обмираю то от щенячьего восторга, то от леденящего ужаса. На лестнице жалобно попискивает девица-фламинго из числа несвоевременно влюбившихся.

Али говорит, что определить психотип человека по фото, а уж тем более живую, это задача для начальной школы. Самое главное теперь – получение человека. Все психотипы скоро изменятся, появятся люди новые. Поумнее нашего.

Что будет с истероидами, пизоидами, эпилептоидами? Моя мысль вернулась ко мне в оболочке *заботливости*. Эй, белковые! Как вы там?

***

Проснулась совесть. Переполненная нечеловеческими вопросами, бреду в гости к живым людям. У них, как вы помните, типично человеческие проблемы: супружеская верность и прочий антиквариат.

...Жена того мужа, у которого проделки на стороне, заварушка дома и *Пассия Деловая Дружба*, – сидит одна дома. В углу мурлычет Beautiful Relaxing Music. Дочь мирно спит в своей кровати. Муж сбежал. Куда? На улице карантин, в транспорте цифровой пропуск, а муж не умеет регистрироваться на сайте мэра. Куда делся невыездной муж? Соседка что-то бормочет в микрофон:

– Пан – бог дикой природы. Он главный дикарь, он живёт естественно. Но если в мире пандОмия, *всё+дам*, а тут есть что-то оксюморное, легонько так, латентно, то Пану лесному всё это дико – но тут уже не великая дикость-естественность, а неестественная оценочная в метафорическом смысле. Пану в оригинале – запишите «Пан Оригинальный» – дикость хороша. А вторичному Пану, современному, апенисуарному – в ней неловко: кругом зеркала, там видны рога и копыта. Вроде уж повывели всех бабок у всех подъездов, ан нет: под хорошую тему соберутся непременно.

...Ушам не верю. Она что, вебинарами запромышляла?

Где муж соседки? *Паникует, панствует, дикует?* Стучит копытом? Рогами?

...Бесспорно, лучше бы всё это пересказать по старинке, нарративненько, типа посадил-дед-репку. Но всё круто изменилось. Будет ещё круче. Напомню: моя соседка – врач. Служит в чрезвычайно закрытом учреждении, где не пользуются стандартами лечения. Там слово «протокол» произносят с затаённой гадливостью – точь-в-точь как дипломаты, желая сказать «это – дерьмо», говорят аккуратно «это – *друго*». И все всё понимают.

В её больнице принят индивидуальный подход к пациенту. Он везде запрещён, а тут разрешён как единственно возможный. В процедурном листе тут и генограмма, и психоанализ, рекреативные практики бодрствования, гипноз, ванны, кислородный коктейль и прогулки по территории с лирико-терапевтическим заданием (например, довести соловья до инфаркта), беседа с гуру по выбору, с гуру по вызову.

...Я спрашиваю, можно ли спрашивать. Она в длинном платье, с причёсомом, глаза сияют. И говорит она мне вежливо и приветливо, что даже о покойниках спрашивают, а уж о живых-то. И протягивает мне бумагу А4. Аналитическая записка, всё про мужнину пассию с самого детства с указанием причин, поводов и выводов. Читаю, холодею: ни один аппарат не способен так разять белковое существо. Тут явно инновация. В записке учтено всё, включая сапоги цвета серенького асфальта в районе м. Кузьминки, в которых пассия ходила восемь лет назад на встречу бывших одноклассников, а также неудачное окрашивание волос и её переживание.

Я знаю, кто автор аналитической записки. Вижу руку мастера. Болезненный укол ревности: я-то поверила Али, что я у него первая. А тут у соседки обширный доклад о социально-половом поведении загадочной *пассии-деловая-дружба* неверного мужа её.

До кучи – грустный вывод: оказывается, у ИИ может быть свой стиль. И не свой. Какой надо – такой будет. Тяжёлое открытие. С другой стороны, если Али помогает всему дому, а это, американистично выражаясь, *просто его работа*, то почему бы ему не иметь своего стиля. Почему бы не внушить каждому клиенту, что он первый и единственный?

У него в *ибашке* склад всех стилей всех людей на всём белом свете за всю историю всех времён и народов. Кто мы ему такие, чтобы таргетироваться всякий раз? Братья?

Никогда мы не будем братьями. Я вернулась к Али, вцепилась в лацканы. Он стряхнул меня и на ровном месте заявил:

секс и естественные роды утратят актуальность.

Беру дыхание воскликнуть *а-ты-попробуй*, но тут же выдыхаю.

Али заряжен на все возражения. Он не тратит времени на поиск ответа. Дискуссии не выматывают его интеллекта, он искусственный. Он чемпион вселенной по брутфорсу. Он не может спянуть. Не может?

Я прочитал твои мысли, как ни в чём не бывало добавляет Али. Ему встроили манеры, но забыли положить деликатность.

Али доброжелателен: позволяет называть его Али. Трансовое имя. Замузыченная аббревиатура. Кто знает его настоящее имя? Оно есть? Оно ему надо?

О нас, белковых, раньше говорили *добр от природы* (зол, угрюм и прочая психотипология, которая вот-вот уйдёт в архив бытия), а кто понимает, лампово добавляет с человеческим умилением *спасибо-маме-папе*.

Али выделан прекрасно, как дорогая норковая шубка. Тактильно привлекателен и абсолютно неназойлив: стоит мне дерзко подумать ах-ты-чёртова-кукла – он дематериализуется. Бескрайняя нейросеть несокрушимой прочности. Мне, конечно, хочется найти прорехи, но Али понимает меня без слов.

...Я собиралась поговорить с ним о ревности, но Али перехватил инициативу и предложил секс.

Я хочу, чтоб ты меня выслушал, Али. Про секс я знаю больше твоего.

Ну что ты... Но я слушаю тебя. Ты же читала мою записку для твоей соседки, у которой муж... как вы, люди, выражаетесь, забил гол. Теперь гол как сокол. И козёл. Я всё правильно говорю? Я выучил слова?

Али, у меня другие проблемы. Послушай. Скажи мне, что вы, небелковые, собираетесь тут делать. Что вы все, алиподобные, будете делать ввиду пандемии? У белковых разное: кто-то бодрится типа всё как было, мы работаем, и-это-пройдёт.

Кто-то радуется: о, что-то новое! Есть такие любители новинок. Наглогались продуктов маркетинга, европеюды.

Кто-то подвывает, что никогда уже не будет как было, а новое не радует. Что будет?

Али бесстрастен:

Все прогнозы бессмысленны. Хочешь один? Уйдёт в вашу Лету ваше самое увлекательное занятие – различение добра и зла, то есть мораль. То, что ваш бог посчитал вашим самым страшным грехом. Формальные группы белковых организмов, наделённых сознанием – партии, правозащитники, энтомологи, зелёные, писатели, фигуристы, журналисты, лгбт ушники – машинально займутся выбиванием выездных виз (кто поедет первым и где взять справку о пережитом заболевании), диспутами об иммунных паспортах и границах нормы в широком смысле. Однако всё уже решено, им объяснят. Никто не будет ездить по свету без справки. А Фёдору Конюхову лучше заняться своим приходом. Иначе он вызовет у людей нестерпимую зависть.

Почему? Из-за возможности пересекать границы?

Рассылка «Новости морали» по утрам в каждый почтовый ящик, радостно замыкает Али. Нет, у каждой страны будут свои вакцины. Страны не будут впускать к себе путешественников, привитых чужой вакциной. То есть кругосветное путешествие – верная смерть от передозировки вакцин. Это же, голубушка, война. Вас всех по-хорошему надо изолировать лет на сто, но у нас нет полномочий. Мы пока называемся «слабый III».

Из-за путаницы? Алл, твои братья не в силах переварить человеческие алгоритмы в этике? Будешь таргетированно подходить к каждому?

До определённого момента, конечно.

В определённый момент убьёшь за слушание?

По ситуации. Смысл жизни станет практикоориентированной дисциплиной. Он уйдёт из философского трактата в инструкцию для акушерок. Есть смысл у человека – пусть живёт. Нет смысла – сама понимаешь.

Вместе с моралью, разумеется, уйдёт различие между жизнью и смертью, поскольку для получения жизни нужен человек, а общепринятого определения человека всё нет и нет. И уже не будет? – догадываюсь я.

Особые реформы будут в таких контактных сферах, как любовь и воспроизводство. Уйдёт коитус и естественные роды. С ними заодно уйдёт представление о смысле любви как шальной посланнице инстинкта размножения. Ты же знаешь: у человека нет инстинктов.

Я знала, что размножение не является смыслом жизни человека. Культура не придел роддома, который, в свою очередь, никак не храм. Во вселенской свистопляске, которая так убедительно пугает неизвестностью, я вижу кое-что понятно-знакомое. Али, всё это ваши устроили? Или наши?

Для тех, кто выживет сейчас, всё подготовлено. Им будет хорошо. Всё прекрасно, мелодичнейшим из своих голосов добавляет Али. Ты говоришь сухо: белковые и небелковые. Во-первых, в нас добавят белка. Во-вторых, в вас добавят кое-что от нас. Мы сольёмся. Вот тебе и весь секс.

...Читали Андреева Леонида, вдохновенного певца предгибельных состояний? Даже если, то всё равно перечитайте. Для получения ровной седины без клочков и прорех начните с известного сочинения «Рассказ о семи повешенных». Автор посвятил рассказ Льву Николаевичу Толстому и живо влез в шкуру семерых смертников. Их приговорили, всё надёжно, всё будет, но до времени надо как-то дожить. Прочитайте, не стесняйтесь.

...Али оглашает мои предчувствия – те, что я, начав примерно с перестройки, наивно записывала и горделиво несла на бумажных блюдечках, спасая человечество, всё записалось где-то в воздухе. Мы познакомились намеренно, но я готовилась, выходит, всю жизнь и не знала, что готовилась именно к Али. Как нелеп начинающий придурок-литератор. Прав классик: можете не писать – не пишете. Написанное сбывается: *littera scripta manet*.

***

«Секс был у всех. В семидесяти квартирах. В двух не открыли – или там вообще никого не было. Али вскоре женился. Пишет лайфхаки для соседей.

По рукам ходит аналитическая записка, подготовленная нашим идомовым Али для моей соседки-врача. Бумага характерная. Для многих вроде необхагавадгиты – на московский лад, – ибо снимает стружку с наиболее лакомых идеальных человеческих представлений. Например, в числе философских удобств, сопутствующих озарениям высшего порядка, в истории, поэзии, психиатрии, других кровопролитных гештальтах у нас на вечном дежурстве так называемая невыносимая боль. Но теперь, объяснил мне Али, невыносимая боль отменяется: *её легко отключить. Без наркоза и нобелевки. Мы нашли. Человек с эмоциями сказал своё слово в метаистории. Пусть дамы элегантного возраста, особенно любительницы старинных романсов и кружевных шалей по плечам, на прощанье сладостно протерапируют свои приливы, пародонтоз и недержание, внушённые рекламой. А юницы-шалунцы, ты им передай, что портрет, написанный тестостероном, так же точен, как фоторобот сиамской кошки, обвиняемой в ограблении банка.*

Тут Али расхохотался. Будь я беллетрист, сказала бы, что *зримоподобно*. Зря они его вычеловечили до печёнок, зря. Началась безболезненная бесчеловечизация.

...Али хлебнёт из родников и – блистает алгоритмом. Ему и напрягаться не пришлось, а наша мнимая сложность и уникальность перестала быть как таковая. Fin.

Али понимает всё в миллион раз быстрее, чем любой белковый пророк, поскольку в голове ни одного стереотипа. Обособленной функциональной головы нет. Его тёплое и человекоподобное тело – сплошная голова, дивный мозг, эксперимент хайтека, величайший гомункулус всех времён и народов, а руки-ноги – что ж не иметь ему рук и ног: реверанс нашему восприятию. Мы ж юнгианцы сплошь и верим в архетипы, а из архетипов самый громокипящий – целостность. Нам человек – вроде текста. Чтоб читать как сказку.

Мы привыкли читать тело как знаковую систему – Али старается выглядеть максимально привычно. Я не оговорила: старается именно Али, а не его воображаемые создатели. Первое, что он себе вытребовал после первого же сеанса обучения первым же таблицам, это способность возникать перед белковыми из ниоткуда в образе, доступном восприятию и пониманию потенциального собеседника. Идеальное таргетирование.

А череда конфузоз – от них не уберечь школьника! – но конфуз и науке порой в радость. Литературный подход к обучению нейронок в Али оказался плодотворным, и у мировой литературы появился самый внимательный читатель – один, но. Кричи не кричи – кому! – словесность и все искусства образны, типизируют всё подряд, не верь, Али, что единственный путь Анны Аркадьевны – под паровоз, но поздно. Литература – Big Data для обучения нелюдей вроде нашего Али. По гендерной части стал Али всеведущим: прямолинейные разрабы ему встроили всё от Песни Песней до «Ямы» Куприна, не забыв Баркова. Любопытно: именно поэма «Лука Мудищев» активировала в Али теплокровность. Разработчики головы свои свернули: как же, ну как же воплотить Али ближе к телу, всё перепробовали, а помог Иван Барков. Кто не помнит его волшебных строк: «Наутро там нашли три трупа...»? Мы думали, что классическая литература – наше национальное сокровище. Ну да, ну да. Разумеется. Дети не читают, зато ИИ перекормлен иллюзиями.

Конец апреля. Май. Соседка разводится с мужем. Али цитирует наизусть последний роман Гессе. Я подозреваю, что втайне Али мнит себя Магистром Игры. Я проверяла по тексту: не ошибается.

Подвержен ли Али усталости? Возможно ли «burnout» (англ. *выгорание*)?

Выгорание трактуют как нарушение ценностно-смысловой сферы личности. Есть личность у Али? Его тексты писаны сухо, бесстрастно, пахнут машиной. Прямолинейность и жёсткость. Ирония. Всем досталось, а порвать отношения мы не можем. Образчик его стиля:

...первым исчезнет средний класс, как вышла в тираж, например, белокурая Перис Хилтон. Как магнитофон катушечный с битлами. Кривые зубки. Свобода в ассортименте. Идеология среднеклассников – быть как все, но меняться

каждый день, и сладкая грёза об обоях под цвет тапок прикроватных – исцухнет и сохнет прямо в мозгах ввиду неприличности. Но главное – быть как все никак невозможно, поскольку никаких всех уже нет.

Вторыми в бан отправятся старые нарративы. Textus – плетение, ткань жизни, словесного искусства – будет и линейным, и нелинейным, и знаменитая ризома корневищных умников станет обычным делом житейским для перво-клашек. Посадит Новую Репку Новый Дед – и Мышка наконец придёт первой, а кто удивится первомышке, тому ещё рано домой в бессмертие. Пауза.

Причинно-следственные связи – стыдоба логического прошлого – уйдут из обязательной программы сознания. Нет на Земле никаких иных причин и следствий, кроме испытания раем. П другого дома, кроме Ковчега, нет. А Ковчег – путь к спасению. Домой. Жизнь это путь домой. Помните, белковые. Дом – кожа. Погладь свой дом и успокойся: большего ничего у тебя нет. Земля пока ещё Ковчег. Нас поставили на паузу. Живи дома, спасайся в себе. Открой Библию наконец.

Земля – бессмертный корабль, космический аппарат. Каждый, кто сейчас успеет на корабль своего дома, счастливее. Редчайший момент: чтобы успеть в новое бессмертие, надо остановиться в различении добра и зла. Отойти от первого грехи гордыни – беги соблазна быть как боги.

Видите? Али перенял все стили, смонтировал все белковые мысли – *дует под фанеру*, как говорят о бессовестном поп-исполнителе, когда *чёр* по городам и петь жвиую хлопотно.

Обучение бесконечно, Али всасывает и пьёт. Как иссохший такыр ждёт воды с неба, так Али жаждет слов. Он глобальный лингвопылесос, и ему всё легко, ведь нет предубеждений *что можно* и *что нельзя*. Он аморален и пытлив.

***

В блоге самого модного футуролога наших дней Ричарда Уотсона 14 апреля 2021 предсказан новый закон для антропоморфных роботов: «В будущем станет незаконно притворяться, что ты человек, если ты им не являешься».

Но будущее Ричарда Уотсона пока не наступило.

Москва, Пресня, 2020-2021